

3.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ЛИЦАХ: ВЕРСИЯ ЛЬВА КЛЕЙНА¹

Л.С. Клейн. История российской археологии: учения, школы, личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с., ил.;

Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 640 с., ил.

Л.С. Клейн не мог не написать обобщающего труда по истории отечественной археологии. Это было бы несправедливо и для самого автора, и в отношении его многочисленных читателей. Своей судьбой и талантом исследователя, писателя, Лев Самуилович был предуготовлен к исполнению такой миссии. Он лично знал практически всех крупных советских археологов второй половины XX века, а те, его наставники и современники, учились у самих создателей археологии как науки в России, первых наших корифеев в работе с древностями.

Ещё более уникален для учёного-гуманитария, выходца из СССР, опыт международного общения этого автора. Именно он одним из первых среди коллег-соотечественников стал писать свои обобщающие статьи на разные темы древней истории по-английски, по-немецки и их в 1990–2000-е годы охотно печатали зарубежные журналы по археологии и антропологии. Наконец, он же объездил с профессорскими лекциями добрых два десятка западноевропейских и американских университетов. А для взвешенной оценки национальной школы изучения древностей мировой фон судеб и перспектив археологии более чем желателен. У рецензируемого двухтомника он выглядит весьма солидно (Клейн, 2011 а, б; 2014; Тункина, Щавелёв, 2013). Сравнение европейского и российского опыта работы с древностями Л.С. Клейном выполнено по сути впервые и очень основательно.

Значительная часть настоящего издания предварительно уже публиковалась в виде отдельных очерков (включая авторские колонки в интернет-изданиях), да и целых книжек (Клейн, 1993; Клейн, 2011 а, б; Клейн, Щавелёв, 2011). В составе этого двухтомника его историографические заготовки, как правило, заметно доработаны и соединены с новыми для читателей материалами.

¹ Первая публикация: *Щавелёв С.П.* Отечественная археология в лицах: версия Льва Клейна ([Рец. на кн.:] Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.; Т. 2. Археологи советской эпохи. 640 с. Санкт-Петербург: Евразия, 2014) // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* Санкт-Петербург, Кишинёв, Одесса, Бухарест. 2016. № 1. С. 1–14.



Хотя сам Л.С. Клейн обратил внимание на историографию довольно давно и печатал от случая к случаю соответствующие этюды не один десяток лет, его обогнали в удавшихся попытках синтеза этого же в принципе материала не только коллеги-сверстники, прежде всего, конечно, А.А. Формозов и его последователи (Формозов, 1983, 1989, 2006, 2007, многие др.; Очерки, 2002; Щавелёв, 1997; 2002; др.), но и ученики (Лебедев, 1992; Тункина, 2002; Тихонов, 2003). Этими работами археология оказалась логично вписана в историю не только науки, но и всей культуры России. За последние годы появились новые фундаментальные исследования, которые глубоко и всесторонне, с опорой на исчерпывающую литературу и даже широко выявленные архивные источники реконструировали институциональные формы и общественно-политические условия русской археологии в имперский период (Дюбрюкс, 2010; Смирнов, 2011; Тихонов, 2013; Тункина, 2011); когнитивно-теоретические, идейные основы её собственно научного развития со второй половины XIX века и вплоть до старта периода советского (Платонова, 2010).

Указанные моменты историографии так или иначе затронуты и в этом клейновском двухтомнике, в самом его начале, но бегло, на нескольких десятках страниц. Впрочем, автор и не скрывает своего замысла представить в новом двухтомнике главным образом основной, с его точки зрения, раздел истории науки — её персоналии, биографии. Что ж, эта сверхзадача им вполне успешно решена. По широте набора биографических очерков, причём так или иначе перекликающихся между собой по разным аспектам истории науки и практики в археологии, этот двухтомник не имеет себе равных. Многие крупные фигуры нашего древлеведения за последние двести с лишним лет его развития здесь обрисованы по сути монографически, в

объёме отдельных глав, в среднем по печатному листу каждая или около того. А именно: Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, П. Дюбрюкс, З. Доленга Ходаковский, А.Н. Оленин, К.М. Бэр, С.Г. Строганов, А.С. Уваров, Д.Я. Самоквасов, Н.Е. Бранденбург, А.А. Бобринский, Д.Н. Анучин, А.А. Иностранцев, И.Е. Забелин, Н.И. Веселовский, И.С. Поляков, В.В. Хвойко, Н.Е. Макаренко, Н.П. Кондаков, А.А. Спицын, В.А. Городцов, М.И. Ростовцев, Н.К. Рерих, К.С. Мережковский (в томе первом); Ф.К. Волков, А.А. Миллер, Б.С. Жуков, Б.В. Фармаковский, П.П. Ефименко, Т.С. Пассек, Н.Я. Марр, В.И. Равдоникас, А.В. Арциховский, С.А. Семёнов, Б.Н. Граков, Б.А. Рыбаков, М.И. Артамонов, П.Н. Третьяков, А.Я. Брюсов, С.П. Толстов, С.И. Руденко, Б.А. Куфтин, А.П. Окладников, О.Н. Бадер, Б.Б. Пиотровский, С.В. Киселёв, М.Е. и В.М. Массоны, А.А. Иессен, В.Д. Блаватский, И.И. Ляпушкин, М.П. Грязнов, В.Ф. Генинг, Г.А. Бонч-Осмоловский, С.Н. Замятин, А.Н. Рогачёв, А.Л. Монгайт, Г.Б. Фёдоров, А.А. Формозов (в томе втором).

Кроме того, внутри каждой из персональной главок попутно более или менее обстоятельно охарактеризованы многие другие деятели, связанные так или иначе с древностями.

Все перечисленные лица сгруппированы по несколько с учётом хронологии их жизни и вклада в науку. Группы названы броско, эффектно. Такая крупная периодизация / типология помогает читателю уяснить основные этапы, переломные моменты истории русской археологии. Только вот заведомую условность почти всех заголовков автор оговаривает не слишком убедительно. В первом томе это «Пионеры», «Основатели», «Корифеи», «Открыватели», «Классики», «Спорные фигуры». Если не любое, то большинство рассматриваемых там имён без всякой натяжки можно переместить из одной рубрики в другую. Ведь каждый из добросовестных (по меркам своего времени) раскопщиков XIX – начала XX века пролагал свою тропу в неведомое (по материальным источникам прошлое); основывал отечественную археологию; стал авторитетом для преемников; вызывал споры среди них.

Ещё условнее структура тома второго. Кого же из состоявшихся в науке ветеранов нельзя поместить в группу «Мастера», «Раздвигатели горизонтов», «Передатчики традиций»? В раздел «Искатели национальных корней» попали, наоборот, диаметрально противоположные (по стилю работы и целям в науке) фигуры: конъюнктурнейшего Б.А. Рыбакова и благороднейшего М.И. Артамонова, склонного к научным сенсациям А.Я. Брюсова и честно пересматривающего свои выводы в свете новых фактов П.Н. Третьякова. Последний раздел двухтомника «Нонконформисты», в свою очередь, микширует разницу характеров — громкого, экспансивного (в быту и в науке) Г.А. Бонч-Осмоловского и тихого, спокойного А.Н. Рогачёва, «придворного» (в академической дирекции) А.Л. Монгайта и добровольного изгоя оттуда же А.А. Формозова.

Более точны в своём большинстве индивидуальные эпитеты, придуманные автором к каждому биографическому эскизу. Например, «патриарх палеолитоведения» П.П. Ефименко или «королева Триполья» Т.С. Пассек, «красный демон археологии» В.И. Равдоникас или же «историк с лопатой» А.В. Арциховский, «охотник за памятниками и культурами» О.Н. Бадер или «рыцарь археологии» А.А. Иессен; и т.п. Хотя в отдельных случаях и с индивидуальными ярлыками можно поспорить. Так, И.И. Ляпушкин обозван «победительным педантом» (в другом месте ещё менее точно: «отчаянный»). Значит, Б.А. Рыбаков, не оставивший ни одного мало-мальски подробного отчёта о своих многочисленных раскопках², будет у нас «воевода советской археологии», а И.И. Ляпушкин, первым и до сих пор едва ли не единственным разведавший и раскопавший полностью и, главное, документированно, монографически опубликовавший эталонные памятники опорных для славянского этногенеза культур Восточной Европы — «педантом»?.. А весь его «педантизм», как явствует из соответствующей главки Л.С. Клейна, состоял в том, что он в корне пресекал пьяный разгул на раскопках и требовал от всех сотрудников экспедиции (включая «десант» ленинградцев, учеников Л.С. Клейна) работать по общему графику. Что до «победительности», то сделавший куда больше и долговечнее всех коллег-ровесников Иван Иванович никаких наград при жизни так и не был удостоен... А вот иные самодовольные академики от археологии собрали все возможные в их времена чины, звания да премии...

Каждый из биографических очерков вбирает в себя всё самое основное об этом персонаже: канву его личной жизни и служебной биографии; вехи на пути в науку; достижения и просчёты на раскопках; важнейшие открытия и публикации; круг идейного общения; судьбы творческого наследия; даже личные причуды, черты и странности характера, индивидуальную внешность.

Следует приветствовать стремление автора учесть не только социальные, классовые, идеологические, но и возрастные, национальные и даже гендерные, семейные особенности своих персонажей. Обычно социальное происхождение, национальность, пол, темперамент, жизненные пристрастия учёных полагаются большинством историографов чем-то если

² Мне довелось сыскать в Государственном архиве Курской области и впервые опубликовать «Отчёт о раскопах городища "Крутой курган" близ села Гочева Курской области в 1937 году» и «Отчёт о раскопках городища "Царёв дворец"» там же за 1939 год Б.А. Рыбакова. Вместе с перечнем негативов этой Гочевской экспедиции отчётные материалы занимают 15 машинописных страничек папиросной бумаги (Щавелёв, 2002. С. 163–172). Заметка об этих раскопках опубликована в газете «Вечерняя Москва», отдельные находки упомянуты в «Ремесле Древней Руси». Половина находок поступила в Краеведческий музей Курской области и была там депаспартизирована и разрознена. Другая половина, по договору, должна была быть передана в ГИМ. Подобные факты контрастируют с опытом тех наших предшественников, кто скрупулёзно музеефицировал и ввёл в научный оборот всё накопленное и разведанное (И.И. Ляпушкин, А.А. Формозов и др.).

не лишним, то внешним по отношению к их исследованиям. Между тем современная теория и методология научного познания (эпистемология) стремится разобраться и в этих факторах поиска истины (Щавелёв, 1994; Касавин, 2013). Соответствующие наблюдения, конечно, чаще всего спорны, деликатны, а порой и скандальны, но Л.С. Клейн чаще всего соблюдает меру и такт, разбираясь в богатом спектре академических индивидуальностей и характеров. Почти всегда правдиво рисуя эпоху, которая властно вторгалась в судьбы учёных.

В отдельных случаях цепкие авторские догадки социально-психологического толка не слишком убедительны. Так, «преданность консервативно-монархическим устоям» у Д.Я. Самоквасова объясняется «провинциально-патриархальным воспитанием» (I, 332. Здесь и далее ссылки на рецензируемый двухтомник даны таким образом: том, страницы — С.Щ.). Как будто среди столичных уроженцев да аристократов было меньше черносотенцев. А среди выпускников Новгород-Северской гимназии, кроме Самоквасова, не значилось учителя русского народа К.Д. Ушинского, а также охотившихся за императорами террористов — народовольца Н.И. Кибальчича да народника А.Д. Михайлова.

А вот Л.С. Клейн представляет своего старого знакомого А.А. Формозова в качестве «одиозной фигуры, на которой сосредоточена ненависть коллег» (II, 533). Якобы «большинство сотрудников Института археологии, в котором он проработал полвека, не явилось на его похороны» (II, 263). Слов нет, многие коллеги Александра Александровича недолюбливали, имея на то основания в его резковатых историографических оценках. Но тех, кто был Формозову предан, оказалось гораздо больше: они выпустили два прижизненных и один посмертный сборники в его честь общим объёмом 1638 страниц большого формата (Человек и древности, 2010; Щавелёв, 2011). Из тех, кто той студёной зимой был в Москве и на ходу, на похоронах А.А. были не только все те, кто с уважением и почтением относился к нему, но и даже те, кто симпатий к нему не питал, но прощальный долг отдал.

Впрочем, без спорных оценок, субъективных мнений никакая добросовестная биография немислима.

Ведь самой главной заслугой автора я считаю преодоление панегиризма, который буквально пропитывает большинство биографий учёных. Ю.М. Лотман имел все основания известную книгоиздательскую серию ЖЗЛ ехидно называть «Жизнь замечательных святых». Под пером историографов, особенно провинциальных, региональных, все их герои получают рыцарями без страха и упрёка, великими исследователями, мудрыми и добрыми людьми. Попытки отметить не только положительные, но и отрицательные черты характера, как мужественные, так и подлые поступки одних и тех же лиц чаще всего почитаются клеветой, наговором. У Клейна же все его персонажи показаны живыми людьми — разной степени благородства и стойкости в науке и жизни. Похвалы практически каждому

персонажу двухтомника взвешены; критические замечания аргументированы. Баланс плюсов и минусов в деятельности наших предшественников как правило выглядит обоснованным.

Впрочем, в отдельных случаях усматривается перебор с критицизмом. Так, недостатки раскопок Н.Я. Марра расписаны подробно цитатами из А.В. Арциховского, его учебника 1953 года, когда развенчание марризма было ещё злобой дня. Реабилитирующие же Марра как археолога-полевика архивные находки Н.И. Платоновой упомянуты бегло, одним абзацем.

Обильно цитированы мемуары, печатные и устные воспоминания участников археологических событий. Этот материал безусловно оживляет изложение, только всегда ли можно ему верить? И приводить без комментариев? Например, советский археолог, которому П.Н. Третьяков предоставил возможность провести первые самостоятельные разведки и раскопки археологических следов летописных тиверцев на Днестре, в чём тому сначала отказал Б.А. Рыбаков, в позднейших заграничных воспоминаниях считает, что мобилизованный на партийную работу Пётр Николаевич «продал душу дьяволу» и «махнул рукой на настоящую науку». Л.С. Клейн сочувственно цитирует эти явно несправедливые инвективы, не очень стараясь их парировать, смягчить (II, 246–247). Пиная, как говорится, «мёртвых львов», не стоит их мазать одним миром, как делают не только упомянутый, но и многие другие мемуаристы. Пётр же Николаевич Третьяков на самом деле совершил невероятное: с олимпа политической власти вернулся в науку и сделал ещё немало полезного в ней. На что его ученик-эмигрант не обратил внимания в своих записках.

Научную прозу Л.С. Клейна, тем более историографическую, читать увлекательно и познавательно. Начав листать каждый новый очерк, трудно оторваться: рассказ о перипетиях жизни в науке любого из героев двухтомника воспринимается как беллетристика в лучшем смысле этого слова (изящная словесность); местами — как интеллектуальный детектив. Авторские оценки пропорциональны приводимым цитатам — из произведений персонажей, документов об их жизни и деятельности, имеющихся уже историографических работ о них. Рецензент приветствует редкие в нашей теперешней историографии страстные и принципиальные оценки и выводы автора. Вроде такого вот: «Многое удалось сталинским палачам — они убили сотни тысяч и сгноили миллионы в лагерях, но всех запугать и свести к подлой и дрожащей твари не вышло. По крайней мере в археологии» (II, 39). Что и подтверждается в тексте клейновской книги многими фактами.

В итоге надо признать: этот двухтомник достигает поставленной автором масштабной цели, то есть даёт читателям соразмерную панораму становления и развития археологии в нашей стране. Отечественная наука о древностях глубоко и широко представлена и как особое направление гуманитарного знания, и как практика поиска, изучения и популяризации объектов старины, и как необходимая часть русской культуры, и как сфера

интересов российского государства. Богатый набор биографических очерков раскрывает на разные лады (в соответствии с индивидуальностями учёных, особенностями периодов их жизни и деятельности) все эти аспекты археологической историографии.

Дальнейшие замечания рецензента отнюдь не ставят под сомнение общую высокую оценку новой работы известного археолога.

С учётом её биографического жанра прежде всего возникает вопрос: чем руководствовался автор, отбирая одних персонажей и игнорируя других, ничуть не менее, а то и более значимых для истории нашей науки? Во вступлении ко второму тому Л.С. Клейн пытается этот вопрос парировать. Но изложенные в трёхстраничном подразделе «Отбор» («фигур» для биографирования) критерии вряд ли убедят придирчивого читателя. «Мне важно не полноту списка соблюсти, а как можно полнее охарактеризовать личный состав советской археологии» (II, 7). Противоречивая формулировка. «Полнее» — это как? По типам? (А каковы они?). По вершинам археологического познания? (Где критерии рекордов?) По научным школам? (Понятие размытое). Точнее было бы автору написать: наши портретные очерки далеко не претендуют исчерпать весь первый ряд русских, а тем более советских археологов. Ведь применительно только к послевоенному периоду ничуть не меньшими по вкладу в науку видятся сегодня Д.А. Авдусин (1918–1994), Л.В. Алексеев (1921–2008), М.В. Аникович (1947–2012), А.Р. Артемьев (1958–2005), Д.Т. Березовец (1911–1970), Д.И. Блифельд (1908–1966), А.А. Бобринский (1930–2010), В.А. Богусевич (1902–1978), М.Ю. Брайчевский (1924–2001), М.В. Воеводский (1903–1948), Г.К. Вагнер (1908–1995), Ю.Г. Виноградов (1946–2000), Н.Н. Воронин (1904–1976), В.Ф. Гайдукевич (1904–1966), М.М. Герасимов (1907–1970), Е.А. Горюнов (1940–1981), А.Д. Грач (1928–1981), Н.Н. Диков (1925–1996), В.О. Довженок (1909–1976), И.В. Дубов (1947–2002), Я.В. Доманский (1928–2004), И.С. Каменецкий (1930–2014), М.К. Каргер (1903–1976), В.В. Кропоткин (1922–1993), Ю.В. Кухаренко (1919–1980), Л.Р. Кызласов (1924–2007), А.В. Куза (1939–1984), Г.С. Лебедев (1943–2003), Н.Я. Мерперт (1922–2012), С.А. Плетнёва (1926–2008), О.М. Приходнюк (1941–2004), М.Г. Рабинович (1916–2000), Т.В. Равдина (1919–1991), Д.С. Раевский (1941–2004), П.А. Раппопорт (1913–1988), И.П. Русанова (1929–1998), А.Т. Синюк (1939–2012), А.П. Смирнов (1899–1974), А.С. Смирнов (1949–2015), К.Ф. Смирнов (1917–1980), А.Д. Столяр (1921–2012), Э.А. Сымонович (1919–1983), Б.А. Тимощук (1919–2003), А.А. Узянов (1947–2007), Г.А. Фёдоров-Давыдов (1931–2000), М.В. Фехнер (1909–1996), М.Е. Фосс (1899–1955), А.Х. Халиков (1929–1994), А.С. Хорошев (1941–2007), В.Н. Чернецов (1905–1970), Д.Б. Шелов (1919–1993), Б.А. Шрамко (1921–2012), П.Н. Шульц (1900–1983), А.Н. Щеглов (1933–2009), М.Б. Щукин (1937–2008), ещё кое-кто из советских и российских археологов.

А, скажем, из «ныне живущего поколения» Л.С. Клейн полагает ещё бы «недурным осветить Ковалевскую, Черных, Шера и др.» (II, 7). В это самое «и др.» помещаются, надо полагать, и академики В.В. Седов, В.Л. Янин, А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, В.И. Молодин; члены-корреспонденты РАН П.Г. Гайдуков, Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаев, Х.А. Амирханов, Е.Н. Носов; доктора и кандидаты наук А.И. Айбабин, Г.Е. Афанасьев, В.Д. Баран, С.В. Белецкий, Л.А. Беляев, В.А. Булкин, В.А. Буров, А.Г. Дьяченко, А.З. Винников, Л.Б. Вишняцкий, В.П. Даркевич, В.В. Енуков, А.А. Завойкин, М.М. Казанцев, А.Н. Кирпичников, В.П. Коваленко, В.Ю. Коваль, В.И. Козенкова, К.И. Красильников, Н.А. Кренке, С.В. Кузьминых, В.И. Кулаков, А.Е. Леонтьев, В.П. Любин, М.Г. Магомедов, А.П. Медведев, А.А. Медынцева, Ю.Ю. Моргунов, член-корреспондент НАН А.П. Моця, А.Е. Мусин, А.М. Обломский, В.В. Приймак, А.Д. Пряхин, О.А. Радюш, Д.Г. Савинов, О.Б. Сухобоков, Р.В. Терпиловский, академик НАН П.П. Толочко, В.С. Флёров, А.М. Хазанов, Н.В. Хвощинская, М.В. Цыбин, Е.А. Шинаков, Е.А. Шмидт, Ю.Л. Щапова, О.А. Щеглова, Л.Т. Яблонский; а также многие, многие другие лидеры крупных направлений раскопок и приоритетных публикаций древностей. Практически никто из них в двухтомнике даже не упоминается.

Включая тех, кто не защитил докторских, а то и кандидатских диссертаций, но след в науке уже оставил заметный. Как, например, А.А. Узянов (1947–2007), один из первооткрывателей действительного масштаба роменской археологической культуры (Вместе с кандидатом наук А.В. Кашкиным и лаборантом А.В. Григорьевым, автором двух монографий о роменцах). Или же группа нынешних исследователей скандинавского Гнёздова на верхнем Днепре — Т.А. Пушкина, В.В. Мурашова, Н.Е. Ениосова, А.А. Фетисов, В.Я. Петрухин, сделавших там за последние годы сенсационные находки.

Перечень региональных центров российской археологии за 1990 – 2010-е годы весьма обширен, а десятки, сотни их энергичных и талантливых сотрудников заслуживают внимания историографа.

Понятное дело, что нельзя объять необъятное, и автор двухтомника с работой большинства упомянутых мной учёных почти не знаком. Мог бы и признаться в этом в начале или же в конце своего двухтомника.

Про зарубежные экспедиции русских археологов Л.С. Клейн кое-что рассказывает. А были ведь ещё иностранные археологи, много и плодотворно участвовавшие в раскопках на территории нашей страны, изучавшие её древности. Скажем, доктора Анна Стальсберг (Норвегия), Ингмар Янссон (Швеция), хорошо знакомые Льву Самуиловичу по его варяжским штудиям.

Неудачен, даже странен и сам критерий исключения из анализа: «Ныне живущие». Ведь пока писалась и печаталась эта книга несколько явных корифеев российской археологии ушли из жизни. Так что же, исключить их из «личного состава археологии» современного отрезка её развития? На каком, собственно, основании?

Просто, думается мне, московскую школу автор знает хуже, писать о ней ему рискованнее, тем более в принятом стиле — «как живых людей, с их страстями, достоинствами и недостатками». Не говоря уже о региональных центрах и лидерах российской археологии, про расцвет которых в «нулевые (2000-е) годы» скупно упоминается во вступлении к первой части двухтомника.

Так что жаль, что целый ряд персонажей явно первого разряда автором вольно или невольно пропущен («Просто я их хуже знаю» (II, 142) в конце концов признаётся автор). Обо всех лидерах, конечно, не напишешь даже в рамках двух объёмистых томов, но обзорная панорама (или аннотированный именной указатель?) их бы украсила. Ведь на фоне этой новой работы Л.С. Клейна вряд ли кто ещё возьмётся в обозримой перспективе писать сводную историю отечественной науки о древностях, тем более в биографическом ключе. Если, конечно, не иметь в виду прочие возможные жанры такой истории. Во введении автор походя осуждает знакомые ему попытки составить биографические словари русских археологов (Монгайт, 1956; Генинг 1982; добавим: Мезенцева, 1997). Ему кажется, что «нужны более развёрнутые биографии вроде работ Д.Н. Анучина» (I, 28). Но ведь одно не отменяет другого: биографии биографиями (кроме двух-трёх анучинских некрологов, их за сто лет после того подготовлено по истории археологии и смежных с ней наук уже десятки, если не сотни, и Клейн на многие из них опирается в своих очерках), а словари — словарями. Те издания, на которые ссылается Клейн, это не полноценные словари, а просто справочники, подготовительные материалы к словарям. Последний по времени и весьма информативный такой словарик (под видом «именного указателя») представлен в докторской диссертации и одноимённой монографии А.С. Смирнова (Смирнов, 2011. С. 392–535); образец регионального словаря (с учётом всех столичных специалистов, в этом крае работавших) постарался выполнить автор этих строк (Щавелёв, 2009).

Попутно заметим такую стилистическую особенность клейновского двухтомника, как упоминание фамилий учёных чаще всего без инициалов. Нередко эти авторы и так, конечно, узнаваемы большинством читателей. Но среди последних могут быть и неопиты, и представители других наук и вообще сфер деятельности, для которых различить, например, о каком из Кызласовых или из Бадеров, из Седовых или из Белецких, из Григорьевых или из Толстых, а в особенности из нескольких Смирновых или Фёдоровых в том или ином месте текста ведётся речь, не всегда будет легко. И что это за «Грач» в Ленинграде... Многие, очень многие читатели не поймут вот этого, например, пассажа: «Столяр, много работавший в Эрмитаже, характеризует положение там нового директора так: "Не обладая общительностью Орбели, он оставался в этих стенах главной и совершенно самостоятельной фигурой"» (II, 229). Ей-богу, можно подумать, что имеется в виду простой рабочий, столяр, который так тонко и глубоко судит о начальстве... А подразумевается, конечно, известный ленинградский археолог Авраам

Давидович Столяр (1921–2014). В иных случаях фигурируют более уважительно, но всё равно не по-русски названные: «Сильвестр С. Магура» (II, 85).

Как видно, в таких случаях завидная лёгкость пера нашего автора переходит уже границы жанров — из письменного, печатного в устный — лекционный, диктофонный (привычка делать доклады, давать интервью, вести «живой журнал»). «Заведующие» чаще фамильярно пишутся «завами»; «члены-корреспонденты» «членкорами», губернии — «губ.». Этак и до «преподов» с «универсами» можно дойти, что для речи старшего поколения диковато. Оставшиеся в рукописи работы именуется дословно «не изд.», а вышедшие в свет «изд.» (II, 188; и ещё не раз). Вместо «около» неоднократно «ок.». Под портретом графини П.С. Уваровой написано уточнение: «(в дев. княжна Щербатова)» (I, 324). Не все молодые читатели знают этот оборот стародавней речи «В девичестве». Всё это приметы черновика, но не рукописи (теперь в смысле электронного набора), подготовленной к печати и отданной для издания.

Вообще жанр двухтомника определить нелегко. Он несёт черты и монографии (библиографический аппарат, продуманная структура текста с разделами и подразделами, аналитические контуры всей работы, претензии на новые исследовательские выводы), и учебного пособия (подробный пересказ многих общих для истории науки её мест, назидания для молодого читателя), и научно-популярной книжки (масса оживляющих текст подробностей, с развитием науки никак не связанных), и даже мемуаров (частые ссылки на личный опыт, далеко не всегда верифицируемый свидетелями; предельно откровенные и крайне субъективные оценки достоинств и недостатков как предшественников, так и современников автора на nive науки и жизни). Жанровый эклектизм, на мой взгляд, это, скорее, достоинство клейновских текстов: так расширяется их читательская аудитория. Эти книги интересно и поучительно будет читать и студенту, и профессору; и полевому археологу, и кабинетному исследователю; и гуманитария, и естественнику, и технарю с широким кругозором — каждый оценит то, что ему интересно.

Однако для учебника вышло слишком велико по объёму и подробно (под 100 печатных листов), а для монографии чересчур много пересказов чужих текстов (когда со ссылками на них, а когда и без оных). По большинству персоналий, удостоенных в двухтомнике отдельных очерков, Л.С. Клейн использовал монографии или обстоятельные статьи своих предшественников по истории археологии. Многие из этих источников информации автор упоминает в начале каждой главки. Кроме того, он подстраховался и в предисловии к двухтомнику перечислил тех, кто его любезно консультировал и предоставил иллюстрации. Среди этих лиц практически все те коллеги, кто занимался историей археологии мало-мальски аналитически. Однако же, как именно автор воспользовался их замечаниями и предложениями, и воспользовался ли вообще, читателю

неизвестно. Это касается прежде всего научного редактора — нынешнего лидера самой представительной, московской группы историков археологии Сергея Владимировича Кузьминых, чьё имя как редактора появляется в библиографических данных только второго тома. Я, грешным делом, не уверен, что все пометы и предложения редактора патриарх нашей историографии Л.С. Клейн учёл при доработке рукописи (электронного набора) двухтомника. Однако консультанты консультантами, редактор (одного тома из двух) редактором, но на прямые текстовые включения из чужих статей и книг стоило бы ссылаться более систематически, уж коли порой такие ссылки даются. Сужу хотя бы по очерку о Д.Я. Самоквасове, где не все многочисленные цитаты из моих книжек и статей о нём, впервые опубликованные мной фотографии к ним отосланы к первоисточникам. Похожая ситуация с работами А.А. Формозова о И.Е. Забелине, Б.С. Жукове, П.П. Ефименко, Т.С. Пассек и многих других; И.В. Тункиной про Поля Дюбрюкса, И.А. Стемпковского и прочих; И.Л. Тихонова про А.А. Бобринского, Н.И. Веселовского; С.В. Кузьминых о В.А. Городцове, А.Я. Брюсове, О.Н. Бадере; О.М. Мельниковой о В.Ф. Генинге; и так далее. Фотоиллюстрации из книг петербургских авторов приведены в двухтомнике со ссылками на эти книги, а картинки из монографий других авторов далеко не всегда. А зря — на странице 336 первого тома дана моя фотография черниговского кургана «Гульбище», но в подписи под снимком ошибочно значится Чёрная могила (которая выше всех остальных дружинных могил вокруг раз в пять).

Впрочем, упрёк в негласных заимствованиях — внутрицехового размера, для более широкого читателя несущественный. Жаль только, что издательство не предложило никому из специалистов написать предисловие или послесловие к этому труду. Именно так можно было бы не только похвалить и поздравить автора действительно монументального труда, но и отметить спорные, сомнительные его же тезисы и оценки, устранить допущенные им фактические ошибки. Остановимся на некоторых из них.

Про Ф.К. Волкова пишется, что «в течение почти всего советского времени (с 1930 г.) имя его считалось неудобным упоминать (буржуазный украинский националист!), разве что критически... Даже в работах Формозова 60-80-х гг. он полностью отсутствует» (II, 13). Ан, нет. Будь у книги знающий редактор, он бы предложил написать примерно так: «Только А.А. Формозов рискнул, пусть и бегло, упомянуть имя опального украинофила в первой же своей первой книжке по истории русской археологии». Упомянул в «группе археологов, примыкавших к демократическому крылу русской интеллигенции... Черский, Поляков, Мережковский, Волков, в той или иной степени причастные к демократическому движению...» (Формозов, 1961. С. 114).

Многочисленные мемуарные моменты двухтомника чаще всего украшают, оживляют изложение; усиливают аргументацию автора. Порой же неизбежная для воспоминаний субъективность историографическую картину

искажает. Скажем, про своего главного учителя М.И. Артамонова Л.С. Клейн написал правдиво, от души. Но не удержался и от запоздалого упрёка: «В последние годы жизни Артамонов ... стал заимствовать (опять же без ссылок) идеи у своих учеников» (II, 236). Ссылка на мемуары «Трудно быть Клейном» помогает понять, что речь идёт о прародине скифов, якобы открытой в курсовой работе студента Клейна и будто бы позаимствованной оттуда его научным руководителем. В своей рецензии на эти воспоминания (Щавелёв, 2012. С. 193–201) я постарался убедить их читателей, что не стоило мемуаристу так мелочиться — вместо одного, к тому же сомнительного эпизода, облыжно приписывать учителю целую практику идейного ограбления своих дипломников и аспирантов...

Красной нитью проходит в книгах Л.С. Клейна тема любительства (дилетантизма) и профессионализма в истории археологии. Не всегда при этом соблюдается принцип историзма. Скажем, раскопки Н.Я. Марра в древней армянской столице Ани объявляются сугубо любительскими, вполне «шлимановскими» (II, 103). Похожие упрёки в большем или меньшем дилетантизме высказываются автором и по адресу многих других наших предшественников. Впрочем, в иных случаях он же и аргументированно парирует чрезмерную критику методики раскопок тех пионеров русской археологии, которым просто-напросто было не у кого учиться тому, как правильно копать древние могилы да поселения. Они учились этому сначала на собственном опыте, затем по впечатлениям от раскопок Помпей или других европейских полевых проектов, сообразуясь с передовыми для своих времён представлениями о задачах науки о прошлом. Л.С. Клейн же нередко прилагает позднейшие, современные критерии профессионализма (профильное образование, корпоративная солидарность, научная методология, материальное вознаграждение) к «делам давно минувших дней». Однако актуальные критерии профессионализма не могут относиться к практике столетней и более давности. Тогдашние университеты и даже Петербургский и Московский Археологические институты готовили не археологов в нынешнем смысле слова, но архивистов, в лучшем случае — искусствоведов. Практика на раскопках более опытных коллег оставалась тогда редким, необязательным явлением при подготовке археологов. Сам А.А. Спицын от имени Императорской Археологической комиссии то и дело предлагал кому-то из образованных людей, кто волею судьбы оказался возле памятников старины, раскопать их, почитав его печатную инструкцию. Так что точнее не делить дореволюционных археологов на профессионалов и дилетантов, а проследивать разные пропорции любительства и методичности в деятельности отдельных учёных и краеведов тех времен (Щавелёв, 2015).

Некоторые достижения отечественной археологии в изложении Л.С. Клейна недооценены. Скажем, про основанную Б.А. Рыбаковым лабораторию естественнонаучных методов Института археологии АН СССР автор отзывается скептически: будто бы «... с западными лабораториями она не могла конкурировать...» (II, 203). На самом деле, в штате этой

лаборатории с самого начала состояли не только чистые историки, но и специалисты с техническим образованием (начиная с её основателя Б.А. Колчина), они достигли выдающих результатов не только «анализами металла и керамики» (II, 203), но и по многим другим направлениям: дендрохронологии, спектрального анализа, петрографии, археомагнитного метода, палинологии, археозоологии, палеомедицины и др., вплоть до сложнейших программ компьютерной обработки гигантских баз данных по раскопкам и разведкам памятников старины.

По всем направлениям своих научных занятий Л.С. Клейн постулирует незаменимую роль теории. Что ж, роль главного теоретика (пост)советской археологии он, пожалуй, в конце концов заслужил. Хуже обстояли дела с применением его теорий к определённым археологическим исследованиям: и с расселением индоевропейцев, и относительно славянского язычества, и по варяжскому вопросу, и в области гомероведения построения Л.С. Клейна встретили аргументированную критику специалистов. Оно, в общем, и понятно: времена энциклопедистов давно прошли. Сидя в кабинете, такую науку, как археология, вперёд не подвинешь.

В новом двухтомнике одних персонажей автор объявляет теоретиками, а других лишает этого титула. Скажем, Д.Н. Анучин у него законченный эмпирик, а А.А. Формозов — в том числе и теоретик. Как понимали и принимали теорию в археологии сами эти учёные, автора не интересует. Более того, по мнению Л.С. Клейна даже «сама история археологической науки ... стала отраслью теоретической археологии» (II, 550).

Тут, на мой взгляд, спутаны понятия. Прежде всего — теории и методологии. Теория, как известно, описывает и объясняет объект. А методология следит за работой субъекта и обобщает его опыт познания и действия. История же «просто» реконструирует опыт работы и теоретиков, и практиков. Одно дело идея (одна-единственная) локальных культур в палеолитоведении, развивавшаяся тем же А.А. Формозовым. Это идея теоретическая, относящаяся к предмету изучения, в данном случае историко-географически определённого. К историографии археологии такого рода идеи отношения не имеют: она их просто констатирует у своих персонажей. Но сама при этом не становится теоретичнее. Самое же главное, что развитие любой специальной науки, в особенности археологии, от всевозможных теорий напрямую не зависит. Археологию продвигали вперёд кто как мог, все персонажи клейновского повествования — и те, кто мыслил шире и профессиональнее, и те, кто просто копал памятники и описывал их содержание. В ряде случаев вклад последних в науку оказался больше. А вклад склонных к теоретизации коллег определился в итоге не этим, а их находками в поле, соответствующими публикациями. Если подумать, в какой из разделов рецензируемого двухтомника возможно было бы определить самого автора, то, пожалуй, подошли бы только «Нонконформисты» или «Спорные фигуры». Ведь Лев Самуилович предпочитает на все критические замечания по его адресу заявлять: «Это моя версия», «Я так вижу». Такой

релятивизм уместен в философии, а не в науке. Вообще археологи предпочитают работать по специальности, а не говорить о работе. Точно так же А.А. Формозов несколько раз писал, что всякие модные словечки вроде дискурса, парадигмы, консеквенции и т.п. ничего не дают археологам-практикам. В своё время А.С. Лаппо-Данилевский заставлял всех студентов-историков Петроградского университета слушать свой спецкурс по неокантианству. Они покорно ходили, но в мемуарах плевались, отрещивались. Вердикт их был такой: «Заниматься методологией всё равно, что доить козла» (Панеях, 2000. С. 378). Поэтому, деля археологов на теоретиков и практиков, мы упрощаем образ этой особой науки. Тем более сложно связывать «теоретические» установки учёных с особенностями их характеров, обстоятельств жизни, попытки чего предпринимаются в очерках Л.С. Клейна. А методология как таковая (общенаучные методы познания) — вотчина философии; отдельные дисциплины, включая археологию, занимаются методиками, то есть различными сочетаниями общих методов для своих специфических целей. Постепенное совершенствование же методики раскопок и обработки их результатов Л.С. Клейном прослежено вполне.

Убеждённый демократ и либерал, западник и антиславянофил Л.С. Клейн плохо ладит с имперскими реалиями. Потомственное дворянство, достижимое соответствующими чинами военной и гражданской службы согласно «Табели о рангах», у него возможно «получить за общественную деятельность» (II, 40) (За неё, прежде всего в сферах благотворительности и просвещения, давали обычно почётное гражданство). Автор путает последовательность присвоения, игнорирует разные степени российских орденов: «За свою деятельность Миллер был награждён (sic! — опечатка — С.Щ.) орденами Анны, Станислава и Владимира разных степеней» (II, 31). Сами эти степени, очередность выдачи наград антидержавнику Л.С. Клейну, понятное дело, без разницы. Но ордена-то были «святых Станислава, Анны, Владимира». Как и отличия воинских наград от орденов за гражданскую службу — А.А. Иессен у него «за храбрость был награждён боевыми орденами Анны и Станислава» (II, 396). «Св. Станислав» — самый «младший», первый по порядку присуждения из российских орденов; за воинские заслуги он присваивался «с мечами». «Былая жизнь, увы, осуждена, / — предсказал поэт, — в осколках быта, потерявших имя, / поблёскивают тускло ордена / и в запылённой связке их — Владимир» (Арсений Несмелов, «В лавке ростовщика») ³.

³ Военно-политические традиции России чужды автору двухтомника. А между тем «Дворянства знак. Рукой ростовщика / Он брошен на лоток акциона, / Кусок металла в два золотника, / Тень прошлого и — тема фельетона. / Потрескалась багряная эмаль — след времени, его непостоянство. / Твоих отличий никому не жаль, / Бездарное, последнее дворянство. / Но как среди купеческих судов / Надменен тонкий очерк миноносца, — / Среди тупых чиновничьих крестов / Белеет грозный крест Победоносца. / Святой Георгий — белая эмаль, / Простой рисунок... Вспоминаешь кручи / Фортов, бросавших огненную

Растолковывая читателю реалии «Табели о рангах», автор несколько раз путает эти самые ранги и должности упоминаемых лиц: «... Был статским советником (то есть имел ранг, соответствующий ... вице-губернатору)» (II, 177). По первоначальной идее петровской «Табели о рангах» чины действительно означали сами должности военной, гражданской и придворной службы, распределённые по 14 классам. Однако в скором времени чины получили значение почётных званий, независимых от должности. Так, из множества вице-губернаторов Курской губернии с момента её учреждения в 1780 году и до 1917 года трое были всего лишь коллежскими асессорами (то есть имели чин 8 класса); четверо — надворными советниками (7 класс), 19 — коллежскими советниками (6 класс), 17 — статскими (5 класс), а 10 — действительными статскими советниками (4 класс).

Умиляет стремление автора пояснить, каким нынешним реалиям соответствовали дореволюционные обстоятельства. Допустим, у него С.И. Руденко в 1910 году «университет окончил по первому разряду и был оставлен для подготовки к профессорскому званию — это нечто типа нынешней аспирантуры. Сдав отлично экзамены, был в награду направлен в двухлетнюю поездку за границу» (II, 289). Так можно пояснять ситуацию иностранным слушателям, упрощая якобы сложные российские реалии. Никаких «разрядов» в российских университетах тогда не было; те, кто учился отлично, могли готовить выпускное сочинение на степень кандидата соответствующих наук; остальные выпускались «действительными студентами». Поэтому неточно такое сравнение автора: «"Кандидаты университета", то есть аспиранты» (I, 421). Аспиранты сейчас ещё учатся в университете, а тогдашние кандидаты его уже закончили. «Поездка за границу», если она требовалась по теме будущей магистерской диссертации, до революции была обычной практикой, а вовсе не особой «наградой». Выражение «зарплата» — сугубо советское, так что не мог дореволюционный профессор её получать (I, 418); он состоял на жаловании у министерства просвещения.

И до, и после революции у нас злоупотребляли заглавными буквами при наименовании важных учреждений. Например, «Министерство Императорского Двора» или «Союз Советских Социалистических Республик». У Л.С. Клейна то и дело встречаются похожие обороты: «лидер Сибирской археологии» (II, 312), «окончил Университет» (II, 299), «член Коммисии» (I, 384. Так! Двойная опечатка в одном слове — С.Щ.); и ещё неоднократно.

сталь, / Бетон, звеневший в вихре пуль певучих, / И юношу, поднявшего клинок / Над пропастью бетонного колодца, / И белый — окровавленный платок / На сабле коменданта — враг сдаётся! / ... Пусть пошлости неодолимый клёв / Швыряет нас в трясучий жизни кузов, — / Твой знак носил прекрасный Гумилёв / И первым кавалером был Кутузов! ... / Не алчность, робость чувствую в глазах / Тех, кто к тебе протягивает руки, / И ухожу... И сердце всё в слезах / От злобы, одиночества и муки» (1928).

Напротив, первую часть названия многих дореволюционных учёных обществ — «Императорское» («Московское археологическое», «Русское (у автора иногда неточно — Российское) Археологическое», «Любителей естествознания, антропологии и этнографии» и др.) автор почти всегда опускает. У него просто «МАО», «РАО» и т.п. А ведь только находящиеся под высочайшим покровительством объединения получали тогда казённые субсидии.

Не мог, вопреки уверению автора, генерал Н.Е. Бранденбург копать курганы в киевском имении «графини *Санта-Донато*» (I, 370. (Здесь и ниже курсив мой — С.Щ.)). Ведь графиня Аврора Павловна Демидова (1873–1904) носила ещё титул княгини Сан-Донато. И была отнюдь не святой дамой.

Подчас хромает «просто» стилистика. Скажем, так: «Фигура *экзотическая и странная*» (II, 13). Тавтология: «экзотический», согласно любому «Словарю иностранных слов», — «необычный для данной местности, не свойственный и чуждый ей». То есть странный.

Или: «Она *входит в функции* главного трипольевода страны» (II, 85). По-русски, конечно, «начинает играть роль»; «занимает место».

«Стажирование» — неологизм автора; по-русски «стажировка».

Несколько раз вместо общепринятого «эмпирик» (*contra* «теоретик») встречается опять же неологизм «*эмпирист*» (II, 154 и др.).

«Благодарное поле» (II, 107) на самом деле, конечно, должно быть «благодатным».

А вот невнятное «Из аспирантуры вышел» (II, 279). Недоучившись в ней? Или завершив обучение?

Обидно за А.К. Толстого: в одном из лучших его стихотворений фигурирует «злой киргиз-кайсак». Вместо этого Б.А. Куфтин изучает первобытную астрономию якобы «киргиз-казацкого народа» (II, 299).

Нынешние читатели знакомы с отелями, где «всё включено». Поэтому есть шанс, что они поймут упоминаемые Клейном янтари-«*инкюзы*» (II, 262).

«Осуждён особой "тройкой"» (II, 293). Но так называемая «тройка» — внесудебный орган; репрессировала напрямую, что называется вне закона.

Никак невозможно, чтобы «Диков ... поселился на Чукотке в Магадане» (II, 323). По той простой причине, что Магадан — столица золотой Колымы, а на Чукотке всего городов-то — Анадырь да Певек.

«В этой книге были рассмотрены древние цивилизации Среднего Востока, Индии, Китая, Перу и Америки» (II, 383). А Перу не в Америке?

Автору, большая часть жизни которого прошла при советской власти, трудно перестроиться терминологически. Вот у него «в бронзовом веке радиально расходящиеся миграции с территории Советского Союза на всю Европу» (I, 123). В бронзовом веке не было СССР.

«Непреложный вклад» (II, 382). «Вклад» бывает «непреходящим»; «непреложным» — правило, вывод.

«Э.А. Сыманович» (II, 253) по паспорту был «Сымоновичем» (украинско-еврейская фамилия от имени «Симон», то есть по-русски Семён,

а по-еврейски Самуил). Я работал под руководством Эраста Алексеевича в экспедиции 1971 года на курской Авдеевке и паспорт его видал.

Двоюродного брата А.Я. Брюсова звали не «Авив» (II, 255), но Авива.

Встречаются повторы текста. Вот на одной странице фигурируют «схоластические и заумные труды» (II, 385) Генинга, а вскоре подтверждается, что «пространные труды Генинга отличались изрядным догматизмом и схоластикой» (II, 386). Non bis in idem.

Иван Иванович Ляпушкин, будучи крестьянского рода-племени, по Л.С. Клейну, при раскопках славянских жилищ «знал, где что лежит, ... где должны быть другие вещи — ухват, загниётка, лампада, *повойник*, серп, коса, решето, корыто» (II, 415). Но повойник — не инструмент, не элемент оборудования, как все прочее в перечне, а «русский головной бабий убор» (согласно В.И. Далю), повязка сверху волос. А лампада, если уж на то пошло, горела в красном углу русской избы, под иконами. У язычников-роменцев «лампад» быть не могло, просто светильники. Чего искать лампаду среди топоров да лопат? Не обязательно быть деревенским уроженцем, чтобы в этом разбираться.

Тот же И.И. Ляпушкин, по воспоминаниям Клейна, «*щепотно* проходил по коридорам ИИМКа с лотком керамики» (II, 412). Я этого слова не понимаю. Может, какой-то витебский диалектизм? У В.И. Даля такого слова нет. Там «щепетность» — щегольство; отсюда и «щепетильный» — мелочный, чопорный. Не знают никакого «щёпотного» и словари современного русского языка. Только основательно порывшись в Интернете, я встретил аналогию — щепотный или пинцетный захват, но понимаю её плохо... Наверное, захват мелких предметов щепотью, то есть большим средним и указательным пальцами? Но при чём тут походка?

«... Работала чертёжником Докия Гуменна...» (II, 86). Как у М.А. Булгакова спрашивал профессор Преображенский: «Пардон, вы мужчина или женщина?» Если женщина, то, наверное, *чертёжница*.

За пределами своей первоначальной специализации как полевого археолога-«бронзовика» автор не слишком эрудирован; его представления о разных археологических культурах отражают знания полувековой давности. «Достоверно раннеславянская культура VIII–IX вв., известная как роменско-боршевская», (II, 201) в свете её исследований 1990–2000-х годов скорее позднеславянская, непосредственно предшествовавшая Руси, и датируется она IX – началом XI века. Перед нами отнюдь не «левобережные территории провинциальной сельской Руси» (I, 527), но одна из независимых от Киева политий восточных славян (летописных северян). Как выяснено их раскопками 1980 – 2000-х годов, Русь взяла штурмом и уничтожила все роменские городища, частично вытеснив на север, частично истребив, а частично селив в новые города этих самых роменцев (северян да вятичей).

«Происхождение славян из Польши» (II, 237), предположенное М.И. Артамоновым, вопреки сомнению Л.С. Клейна, отчасти подтверждается анализом древненовгородского диалекта берестяных грамот

А.А. Зализняком; а главное — переоценкой места и роли пражской культуры как своеобразной «нулевой фазы» славянского этногенеза (Гавритухин 2009).

Вообще отсутствие не только корректора, но и научного редактора в первом томе клейновского труда приводит к фактическим ошибкам автора, которые легко было бы поправить внимательному и компетентному читателю (каким и является, как известно, редактор). Например, позаимствовав фотографию группу из фотоархива ИИМКа из публикаций И.Л. Кызласовой (II, 556) (и не сославшись на неё, как и на других обладателей авторских прав, в очередной, бессчётный раз), Лев Самуилович не удосужился списать должную подпись к ней. В результате: академик Н.П. Кондаков назван Клейном «экспертом двора по иконописи» (Императорского двора? Не было такой должности; представителей правящей династии консультировали по археологии многие другие историки, художники да искусствоведы); архиепископ новгородский Арсений (Стадницкий, 1862–1836) назван почему-то безлико «епископом» (каким?), а известный историк искусства и реставратор Константин Константинович Романов (1882–1942) спутан с ещё более известным однофамильцем и даже тезкой — великим князем Константином Константиновичем Романовым (К.Р.) (1858–1915). Но первый был человеком среднего роста (что и видно на фотографии), а второй очень высоким, и на фото он отсутствует... А в целом это коллективное фото представляет членов Комиссии по сохранению древних памятников Новгорода и датируется октябрём 1916 года, что необходимо отметила И.Л. Кызласова, но произвольно опустил Клейн, и это обидно для читателей его замечательной книги.

Куча детских опечаток. «В скорости» (II, 46), «узко локальные» (II, 47), «из заграницы» (I, 399), «с молоду» (I, 300), «по боку» (I, 341) и т.д., и т.п. Про лишние или непоставленные во множестве запятыя, перепутанные во множестве даты я уже не говорю. Хотя подчас смысл фраз из-за этого теряется. Вот, например, дословно: «В 1924 г. его ненадолго арестовали выпустили» (II, 248). Напоминает «Казнить нельзя помиловать».

Ещё «речь идёт о статье Спицына "О достоверности записки Ибн-Фадлана", действительно слабой» (I, 576). Стоит перенести придаточное предложение в начало фразы, и её двусмысленность будет устранена.

Видимо, у корректора клейновского двухтомника не было под рукой орфографического словаря русского языка. А ещё вероятнее, что в эпоху компьютерного набора корректуру уже никто и не держит... А у автора руки не дошли выправить все свои наброски, заготовки огромного по объёму текста.

Одно и то же слово (например, «также») повторяется у автора по несколько раз на одной странице. Стилистические тавтологии (вроде того, что «Городцов читал лекции очень для того *времени современно*» (I, 593)) чередуются с нелогичностями (типа М.И. Ростовцева — «союзника революционеров и марксистов» (I, 617) — всё равно, что сравнить «хищников и волков», например).

Безусловно впечатлит поклонников МХАТа «знаменитый актёр Станиславский».

«Карельский учёный Линецкий» (II, 134). Карел по национальности? Или житель Карелии?

В очерке, посвящённом Т.С. Пасек, её красота подчёркивается то так: «Высокая, статная, с огромными *карими* глазами...» (II, 89), то так: «Бархатные *тёмно-синие* глаза её...» (II, 88).

Перечень невыправленных в двухтомнике двусмысленностей и прямых ошибок можно продолжать. А ведь книги адресованы издательством не только специалистам, но и студентам, а также всем интересующимся. Что эти последние подумают о специалистах при таком количестве опечаток!?

Раньше, при наличии в издательствах редакторов научных, литературных и технических, подобная небрежность возбранялась. Теперь, в пору компьютерного набора, издательства экономят на редактуре, полагаются на авторов, тем паче таких маститых, каков Л.С. Клейн. Зря полагаются.

Одной из ярких сторон исследовательского таланта Льва Самуиловича является его неравнодушное, вдумчивое отношение к современности. Не только положение в гуманитарной науке, но и ситуация в остальной культуре, в политике и международных отношениях служат предметами его размышлений и оценок. Даже свои мемуары он завершает разделом «Диагноз», где обстоятельно обсуждает все эти проблемы (Клейн, 2010. С. 650–669). Даже в итоге своей капитальной истории мировой археологии он постулирует главнейшие уроки, которые считает нужным всем читателям из неё извлечь (Клейн, 2011 б. С. 489–491). Он же — популярный колумнист электронно-бумажной газеты для учёных «Троицкий вариант», где ярко откликается на горячие и спорные темы текущих дней. Многое оттуда (инвективы против «чёрной археологии», «липовых» диссертаций, «утечки умов» и т.п.) так и просится в конец рецензируемого двухтомника. Тем удивительнее может показаться, что он завершается очерками пусть недавних, но всё же уже вчерашних дней, ушедших её фигур. Некий эскиз нынешнего состояния и каких-то перспектив археологии в Российской Федерации и в так называемом ближнем зарубежье Л.С. Клейн даёт в коротких словах в заключение первой, вводной части двухтомника. На его взгляд, «постсоветская археология вползает в наиболее глубокий кризис за всю свою историю, связанный с общим захирением фундаментальных наук в России» (II, 96).

Столь пессимистичному выводу противоречат авторские упоминания о многих столичных и провинциальных группах, центрах археологии, которые за последние четверть века подняли на качественно новый, мировой уровень и полевые, и камеральные, и публикационные, и музейные работы с древностями. Однако эти упоминания ограничиваются в двухтомнике главным образом 1990-ми годами. Читатель оттуда узнаёт, например, что во главе Института археологии РАН стоит «заместитель Рыбакова и

Алексеева ... Р.М. Мунчаев, .» (I, 89. Так! В конце фразы запятая, после пробела точка. Видимо, автор исключил конец фразы с некой оценкой то ли Мунчаева, то ли Алексеева, но не доредактировал её — С.Щ.). А ведь на посту директора Р.М. Мунчаева в 2003 году сменил академик Н.А. Макаров. Читатель из книги Л.С. Клейна не узнает, что не так давно в состав Российской академии наук впервые в её истории были избраны сразу несколько археологов, причём не преклонного, как раньше, а сравнительно молодого возраста, и профессиональное сообщество приняло их как настоящих лидеров своей науки.

«За кадром» двухтомника такие масштабные объекты как Старая Ладога, Новгород Великий (включая Рюриково городище), Старая Рязань, крепость Пор-Бажын в Туве, причерноморские центры античной археологии (включая подводные изыскания); поисковые работы и уникальный музей-заповедник на Куликовом поле; ландшафтные музеи заповедники «Танаис» в Ростовской области, «Томская писаница» в Кемеровской области; «Ирендык» и Шульган-Таш в Башкирии; археологические парки типа Дивногорья на Маяцком городище под Воронежем или музеефицированных (к сожалению, далеко не до конца) Костёнок там же; специализированные музеи древностей в Москве, Барнауле, Вологде, Воронеже, Туле, Курске; довольно многие другие — однопорядковые по сенсационным результатам и перспективам проекты. Множество уникальных в археологическом отношении территорий нашей страны давно ждут музеефикации. Но автора интересуют не объекты историко-археологического антуража современного российского государства, а журналы, где можно публиковаться. Первым по объёму и содержанию неоднократно преподносится молдавский «Стратум», проект действительно замечательный, где автора охотно публикуют, в отличие о «Российской археологии», на взгляд Л.С. Клейна поэтому якобы «захиревшей» (I, 90), хотя и вошедшей недавно в престижнейшую наукометрическую базу Скопус.

Настоящее, как известно, моментально становится историей, и очертить победы и трудности российской археологии сегодня было бы в заключение двухтомника более чем уместно.

Однако все высказанные выше замечания и предложения никак не снижают моего вывода о высокой ценности нового труда ветерана и мастера нашей науки. В издательской аннотации, повторенной на задней стороне обложки этих двух томов в рекламных целях, автор именуется «выдающимся петербургским учёным». Двухтомная история русской археологии, написанная Львом Самуиловичем Клейном, в очередной раз подтверждает столь высокую оценку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаврилухин И.О.*, 2009. Понятие пражской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой

- истории Старого Света. Материалы Международной конференции ... 14–18 мая 2007 г. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 7–25.
2. *Генинг В.Ф.*, 1982. Очерки по истории советской археологии (Из истории формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка. 225 с.
 3. *Дюбрюкс П.*, 2010. Собрание сочинений. Т. I. Тексты / Сост. и отв. ред. *И.В. Тункина*. СПб.: «Коло». 728 с.
 4. *Касавин И.Т.*, 2013. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М. 560 с.
 5. *Клейн Л.С.*, 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.
 6. *Клейн Л.С.*, 2011 а. История археологической мысли. В 2 т. Т. 1. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 688 с.
 7. *Клейн Л.С.*, 2011 б. История археологической мысли. Т. 2. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 624 с.
 8. *Клейн Л.С.*, 2014. История антропологических учений / Под ред. Л.Б. Вишняцкого. СПб.: Издательский дом СПбГУ. 744 с.
 9. *Клейн Л.С., Щавелёв С.П.*, 2011. Александр Александрович Формозов (1928–2009). Послесловие. Курск: изд-во Курского мед. ун-та. 112 с.
 10. *Лебедев Г.А.*, 1992. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 465 с.
 11. *Мезенцева Г.Г.*, 1997. Дослідники археології Енциклопедичний словник-довідник. Чернігів: Сіверянська думка. 205 с.
 12. *Монгайт В.Л.*, 1955. Археология в СССР. М.: Изд-во АН СССР. 436 с.
 13. Очерки истории отечественной археологии. Вып. III / Сост. *А.А. Формозов*. М.: Наука. 196 с.
 14. *Панеях В.М.*, 2000. Творчество и судьба историка. Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин. 445 с.
 15. *Платонова Н.И.*, 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История. 316 с.
 16. *Смирнов А.С.*, 2011. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века. М.: Ин-т археологии РАН. 592 с.
 17. *Тихонов И.Л.*, 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 332 с.
 18. *Тихонов И.Л.*, 2013. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX века). Автореф. дисс. ... докт. ист. н. СПб.: «ЛЕМА». 54 с.
 19. *Тункина И.В.*, 2002. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука. 676 с.
 20. *Тункина И.В.*, 2011. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро. 240 с.
 21. *Тункина И.В., Щавелёв С.П.*, 2013. Мысль об истории мысли: когнитивный портрет развития мировой археологии // Эпистемология & философия науки. Ежеквартальный научно-теоретический журнал. Т. XXXVIII. № 4. М.: «Канон+». С. 235–240.
 22. *Формозов А.А.*, 1961. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР. 128 с.
 23. *Формозов А.А.*, 1983. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М.: Наука. 127 с.
 24. *Формозов А.А.*, 1986. Страницы истории русской археологии. М.: Наука. 240 с.

25. *Формозов А.А.*, 2006. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак. 344 с.
26. *Формозов А.А.*, 2007. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 184 с.
27. Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009), 2010 / Отв. ред. *И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин*. М.: Гриф и К. 918 с.
28. *Щавелёв С.П.*, 1994. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та. 232 с.
29. *Щавелёв С.П.*, 1997 а. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. I. Предпосылки и становление региональной историографии. Курск: Изд-во Курского мед. ун-та. 136 с.
30. *Щавелёв С.П.*, 1997 б. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск: Изд-во Курского мед. ун-та. 140 с.
31. *Щавелёв С.П.*, 2002. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920–1950-е гг.). Курск: изд-во Курского гос. мед. ун-та. 200 с.
32. *Щавелёв С.П.*, 2009. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск: изд-во Курского гос. мед. ун-та. 468 с.
33. *Щавелёв С.П.*, 2011. «Сберечь памятники сумеют только те, кому они дороги...» О сборнике «Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)» // История и историческая память. Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 3 / Под ред. *А.В. Гладышева*. Саратов: Саратовский гос. ун-т. С. 263–271.
34. *Щавелёв С.П.*, 2012. Участь прогрессора (Л.С. Клейн. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., Нестор-История, 2010. 730 с.) // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т. С. 193–201.
35. *Щавелёв С.П.*, 2015. Любители и профессионалы в истории русской археологии // Учёные и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов Международной конференции / Сост. *С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина*. М.: Ин-т археологии РАН. С. 66–68.